

9-12-81
266

ОПЫТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКИХ ДРЕВНОСТЕЙ
И
ИСТОРИИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОПИСАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ИВ. ЗАБѢЛИНА.

ЧАСТЬ II.

Изданіе К. Солдатенкова.

ЦѢНА 2 РУБ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ в., д. Шяловой.

1873.

Handwritten text, possibly a signature or date, appearing as a series of dark, irregular strokes.

2004126044

РАЗМЫШЛЕНІЯ О СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Въ послѣднее время (писано въ 1861 г.) все чаще и чаще повторяются выраженія: «государственное тѣло», «государственный организмъ», «народный организмъ», «общественный организмъ», чаще и чаще мы слышимъ толки и разсужденія о народѣ, какъ живомъ тѣлѣ, которое само въ себѣ носитъ стихіи своего существованія, законы своего развитія. Мы, однимъ словомъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствуемъ вѣяніе какой-то новой идеи, которая неудержимо растетъ и ширится въ нашемъ сознаниіи, проникаетъ всюду, высказывается и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ дипломатическихъ нотахъ, и въ журнальныхъ фельетонахъ, и въ простыхъ толкахъ о политикѣ. Не успѣвъ еще порядочно укорениться на нашей ученой почвѣ, идея эта заслуживаетъ уже нареканіе со стороны нѣкоторыхъ философовъ, не разобравшихъ, къ сожалѣнію, что идея организма вовсе не то, что идея прогресса. Нужно, однакожъ, замѣтить, что идея организма не новость, не вчерашнее нѣмецкое изобрѣтеніе, противъ котораго слѣдовало бы ратовать, какъ противъ иноплеменной напасти; она сознавалась уже свѣтлыми умами древности; она развивалась, вырастала вслѣдъ за развитіемъ, возрастаніемъ человѣческаго сознанія, вслѣдъ за развитіемъ наукъ о жизни природы и человѣка. Идея организма есть идея самой жизни, и тамъ, гдѣ только наблюдалъ

человѣкъ *жизнь*, предъ нимъ самъ-собою возникалъ образъ стройнаго, цѣльнаго ея проявленія. Идея организма не есть какая-либо система, построенная логическими опредѣленіями, которую можно, какъ аршинъ, прикидывать и прикладывать къ любой области знанія, и по ней распредѣлять изучаемый матеріалъ. Идея организма есть сама сущность всего живаго, подлежащаго нашему разумѣнію; по этому она сама-собою является вездѣ, гдѣ только мы имѣемъ дѣло съ жизнью, а не съ мертвыми формами, отчего и нельзя трактовать ее какъ нѣчто такое, что можетъ быть и не быть въ нашемъ сознаніи, когда оно стремится выяснить какую-либо сторону человѣческаго духа, найти законъ его развитія—что можетъ по нашей волѣ прилагаться или не прилагаться къ изслѣдованію жизни, какъ готовая система, какъ школьная указка. Въ наше время эта идея стала яснѣе, очевиднѣе, проникла и постоянно не удержимо проникаетъ всюду, во всѣ сферы вѣдѣнія, потому именно, что только въ наше время жизнь, какъ она есть въ своей дѣйствительности, сдѣлалась исходною точкою, непосредственнымъ источникомъ всякаго знанія. Теперь все просить жизни, движенія и дѣйствія; все хочетъ уяснить законъ жизни; все требуетъ, чтобъ жизнь была освобождена отъ всяческой схоластики и рутины, политической, домашней, воспитательной, учебной и ученой. Раскрытіе, обнаженіе жизни, гдѣ бы ни было: въ литературѣ, искусствѣ, въ наукѣ, въ дѣлахъ дня, приводитъ общество въ восторгъ; оно, какъ ребенокъ, радуется каждому признаку жизни, каждому, хотя бы и не совсѣмъ складному и удачному ея проявленію и воспроизведенію. Въ наукѣ изученіе жизни сдѣлалось общею мыслью нашего времени; оттого такой широкій разливъ естествознанія и неменѣе широкій интересъ къ наукамъ историческимъ. Естественно, что въ этомъ направленіи человѣческаго сознанія и идея организма, какъ идея сущности жизни, пріобрѣтаетъ съ

каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкое значеніе и болѣе широкій просторъ въ своихъ приложеніяхъ. Можно сказать, что въ настоящее время эта идея вступила въ новый періодъ развитія и потому, по всей справедливости, можетъ признаваться за идею совершенно новую. Въ настоящее время подъ именемъ «народности» она становится дѣйствующимъ началомъ исторической жизни. Очень естественно, что исторія, какъ наука о явленіяхъ человѣческой общественной жизни, столько же нуждается въ разъясненіи и усвоеніи этой идеи, сколько и науки естественныя, въ которыхъ, само-собою разумѣется, она, эта идея, гораздо прежде была почувствована и сознана. Исторія, вопреки мнѣнію упомянутыхъ философовъ, не беретъ эту идею у естествознанія, какъ готовую, цѣльную систему, а находитъ ее сама въ себѣ, потому-что исторія—такая же естественная наука, какъ и другія. Ея предметъ—живой организмъ человѣческаго духа, какъ явленіе, высшая ступень животнаго организма природы, надъ изслѣдованіемъ котораго и работаютъ естественныя науки. Изученіе и изображеніе человѣческой *жизни* въ формѣ общества, народа, государства — какъ хотите — вотъ задача исторіи. А гдѣ изучается жизнь, какъ же вы отрѣшитесь тамъ отъ идеи организма, отъ идеи самой жизни? Только своеобычное доморощенное мышленіе, самоуміе и самомнѣніе, можетъ натолкнуть на сомнѣніе въ удобоприложимости этой идеи къ изученію исторіи, на разсужденіе о ней, какъ о какой-то готовой формулѣ, лежащей внѣ самого предмета исторіи, и даже на добродушный совѣтъ «отогнать отъ себя этотъ призракъ знанія и упорно и терпѣливо добиваться отъ изучаемаго дѣла знанія, хотя и болѣе скромнаго, но положительнаго *»). Но

*) Г. Эдельсонъ въ статьѣ: „Идея организма“. „Библ. для Чтенія“. 1860. № 3. Т. СХХХІІІ, Отд. I.